

Лев КОТЮКОВ

В глубине поющей

Вся наша жизнь — против течения. Но поток в сто крат сильнее нас. Хотя иногда нам самонадеянно кажется, что мы вырвали у движущейся живой бездны нечто своё.

И мне вместе со всеми кажется, что я вырвал у бездушной стихии своё кровное. Пусть малое, но своё... Есть такое своё в стихах Андрея Дебабова, который стал локально известным как поэт в стенах физического факультета МГУ им. Ломоносова в конце приснопамятных шестидесятых, когда на торжественном вечере в «храме советской науки» в честь полувековия Великой Октябрьской социалистической выдал со сцены в тысячную аудиторию:

В АЛЬБОМ ИНТУРИСТА
Россия, братец, не перина,
абориген её — не клоп.
Стоит огромный буйволина,
в Европу уперевши лоб...
.....
Большевики, сказал, сморили?
Но, вероятно, неспроста
так резво сыплются Курилы
из-под Камчатского хвоста...

За кулисами его встретил укоряющим взором предвещающий выговор себе комсомольский секретарь Сева Твердислов, в девяностые ставший деканом физфака.

Красный диплом физика Дебабов получил, а вот в аспирантуру МГУ партком не пустил... Взамен получил наш физик-лирик-и-сатирик полгода движущейся живой бездны в Атлантике, в районе Бермуд, где на научном корабле измерял температуру подводных потоков и Гольфстрима.

Я в океане наблюдал закаты,
над Атлантидой датчик волоха, —
солёный волк, стихии завсегда,
простой ловец Зелёного Луча.
Волшебный Луч,
прощальный блик Светила, —
как пятый у сирени лепесток,
как ключик, что припрятала Тортила,
как Золотой на шпиле Петушок...

И суммарно полгода работал Дебабов в экспедициях на Камчатке и Курилах:

Корячился я в джунглях Итурупа,
всем телом налегая на бамбук,
а он смыкался, под ногами хрупал...
Увёз я горечь сердца с Шикотана...

Кандидатскую Дебабов всё-таки защитил... Запускал с Плесецкого космодрома спутник «Интеркосмос-10» как научный куратор советского, чешского и гдээрвовского приборов. А в 1986-м неожиданно удостоился внимания не только учёных, но и мировых СМИ, и крупных политиков — не как поэт, разумеется, а как «3D-реставратор» ледяного ядра кометы Галлея по фотографиям, переданным советскими аппаратами «Вега». Это было последнее яркое достижение СССР в космосе, за что Ельцин, тогда московский партийный лидер, вручил орден Ленина институту, где Дебабов проработал три десятка лет...

«Мы ожидаем многого от современной поэзии!» — трещала сорочья критика десятилетия тому назад. А нынче сороки, почистив перья, разочарованно вздыхают: «Мы совсем не то ожидали...». Хочется спросить: «Чего вы ожидали, милейшие?». Вы ожидали того, что вам было нужно, а поэзия — это не удовлетворение ваших псевдокультурных нужд, а неожиданность. Поэзия — это не то, что нужно, а то, без чего невозможно. И никогда не надо ничего ожидать от поэзии.

Я не знаю — как надо писать, но, кажется, слава Богу, знаю — как писать не надо, хотя, наверное, и этого знать не надобно. Но Дебабов, кажется, это знает:

Перестаньте, как на тризне —

в ком душа едва жива —
Бог
Любовь
Добро
Отчизна
— обесценивать слова!
Редкой строчкой душу тронет
стихотворец «точки РУ».
Хочешь быть планетой понят —
не вали туда муру!
.....
Движет мир сопротивленью —
силе трения, ветрам...
Червь и кокон — путь во храм
легкокрылости творенья.

Новое публика зачастую не принимает — как кассовые аппараты на вокзалах, на которых написано «Новые монеты не бросать». В поэзии слово движется. Вне поэзии оно быстро теряет движение, как футбольный мяч, катящийся в густой траве. Поэт должен всегда оставаться самим собой, но подражать самому себе не должен никогда, ибо самоподражание — уже не поэзия («он, если не хватает пыли, перебирает всё, что было, по льду возвратному скользья...»).

В душе каждого человека живёт невыразимое. Невыразимое остаётся за пределами речи, невыразимое остаётся за пределами молчания. Невыразимое — это «слова неизречённые», о которых нам глаголет Священное писание. Истинный поэт своим словом помогает людям полнее ощущать сие невыразимое, ибо в невыразимом — истинная жизнь, истинное бессмертие, истинная поэзия, в конце концов. И не об этом ли говорит Андрей Дебабов?

...Я трепещу, стыжусь и внемлю.
Слова — не про аукцион,
и не про собственность на землю,
и не про выездной закон.
Но разверзаются: разруха,
тьма, нечисть, каверзность и жуть
спиральной раковины слуха,
высвобождая Светлый путь.

Читаешь о русском зарубежье послереволюционных лет — и завидно становится. Но не в грех эта зависть! Не в грех... Сколько журналов!.. Сколько новых книг!.. Сколько замечательных поэтов!.. И никто не ходил с унылым лицом: «Не печатают!.. Не издают!.. Не замечают!..». Где же нынче мы обитаем, чёрт возьми, ежели без всякой эмиграции не имеем возможности печататься и издаваться в родной стране?! Должно быть, уже в небытии, а не в отечестве...

Заго очень хорошие советы дают нынешним поэтам иные сердобольные люди: «Издавайтесь за свой счёт!» А где они, эти счета?! В каких банках спрятаны? Кто подскажет?! «Советчики не те», — саркастически отвечает им Дебабов:

...О сбыте детективов беспокоясь,
издатель, не печатай этих строф.
Пусть они изустным пересказом
войдут в благополучные дома...

Но не всё так мрачно! Радует, что за само сочинительство ещё не требуют денег. Хочешь — пиши, а хочешь — нет. Но боюсь, что сие упущение наши законоотворцы могут запросто ликвидировать. И...

— Стихотворение написал?! Отлично! Плати в казну тыщу! Нет, говоришь?! Опишем имущество, авось бросишь своё сочинительство! Не бросишь?!.. Ну, пеняй на себя!

Бред больного воображения? Да как сказать, если само воображение давно стало лишь слабой тенью нашей действительности. Ещё чуть-чуть — и действительность вообще останется без тени — и всех хватит солнечный удар. Но кто-то ещё надеется вернуться в действительность к читателям, как вернулись в отечество поэты русского зарубежья. Дай-то Бог, если рано или поздно

читатель откроет поэтов русского небытия! И одним из ярких представителей этой когорты по праву можно назвать Андрея Дебабова.

Истинная поэзия есть предельное выражение личности. В поэзии только личное становится общим. Общее же никогда личным не становится, ибо оно и без личного само по себе общее.

Лауреатом литературной премии им. Ярослава Смелякова в 2015 году стал заслуженный поэт Подмосковья Андрей Дебабов — за книгу избранных стихотворений «Предназначение»

Поэзия есть неприкосновенная частная собственность, но никакие законы не властвуют над этой собственностью, ибо поэзия выше закона.

Поэзия — самозвучание. Исторгать из поэзии нужные обществу звуки — всё равно, что расстреливать колокол из крупнокалиберного пулемёта в ожидании малинового звона.

Стояли, молясь небесам, дерева.
Слагали из этих деревьев терема.
В палатах высоких — палаты ума.
В амбарах широких полны закрома.
Клад Вышнему Разуму разум земной
поклон за поклоном
послушной спиной,
хвалу воздавая источнику сил,
которыми пни корчевал и косил.
Творили подобья могучих деревьев
молитвы Всевышнему нараспев,
лампадой немеркнувшей
в красном углу
нечистую силу сгибая в дугу.
.....
Какой же прошёл по земле ураган!
.....
На склонах
семи москворецких холмов
сповалил нечистый безлистных умов
в железобетоне, не сея, не жняя,
додуматься втуне до бога огня!

Так прозвучала лира Андрея Дебабова в 1996-м, когда бомбы неотвратно попадали в обитаемые жилые дома города Грозного. Как в 2008-м — Цхинвала, в 2014-м — Донецка... А в 1993-м...

Недвижимость всегда в цене
(ненаселённая — к тому же)...
Мы представляли этот ужас
в нейтронно-ядерной войне.
.....
Дом Белый красным опростался
и стал подобен головне.
В моём доме нет места мне.
На волнах зыбкого эфира
несётся песнь победы Пирра:
НЕДВИЖИМОСТЬ ВСЕГДА В ЦЕНЕ!

Наших популярных стихотворцев разглядеть в поэзии практически невозможно да-

же с помощью микроскопа, но зато по телевидению их можно лицезреть почти ежедневно. Видимые невооружённым глазом, эти деятели кажутся доверчивым зрителям и самим себе астрономическими величинами.

К сожалению, в астрономии разбираются только специалисты, а простым смертным нынче вообще некогда смотреть на настоящее звёздное небо, оттого и кажутся им поэтами граждане совершенно противоположной профессии. Геофизик Дебабов чуть больше знает о небесных «белых карликах» и «красных гигантах».

БАЛЛАДА О ЗВЁЗДНОЙ СКРОМНОСТИ
Белый Карлик
Красному Гиганту
высветил по звёздному утру:
— Нет в тебе ума или таланта,
или белый огонь не по нутру?!
Отвечал Гигант, слегка бледнея
(ставши, как лососевая снетдь):
— Я свечу спокойно, — как умею.
А за Вас приходится краснеть.

Некрасов сказал о русском человеке: «Он до смерти работает, до полусмерти пьёт». Ошибся малость поэт, но «сестра-жизнь» исправила его ошибку — и до смерти пьёт народ при нынешней мачехе-жизни. Что поделаешь — и поэты иной раз малость ошибаются. Поэты прощают людям всё, но поэтам, как правило, ничего не прощают. За редким исключением, подтверждающим правило. Тем более — полтора столетия спустя... Голос поэта Дебабова доносится со «дна» (или — из нынешнего дня?) России, где «мужики — вонне (вонне всего, что "впало", всего, что не с руки... Живут, увы, неладно, на то и мужики). Вина на них такая, что судит лишь Господь...»:

Водка идёт, как огонь по стволу,
вихрем взрывая сухую иглу...

.....
Сколько в пучину ушли, —
без прикрас
знает доподлинно лишь водолаз,
да ещё то, что, бушующ, ревя,
к рифам на гребне выносит тебя!

Даже в железном 19-м веке поэзия соединяла души. Наш пластмассовый, кровавый, високосный век явил нечто противоположное, — поэзия обрела разъединительную способность. Например, любящий стихи Пастернака может ненавидеть поклонника Есенина — и наоборот. И не от того ли доверие друг к другу — редкость чрезвычайная, а основное состояние современной души — настороженность и выживание? Засадное состояние.

И таланты, смелые и боязливые, даже в лучших своих образцах, настороженны и неопределённые, ибо смелый боится, а боязливый не осмеливается. Но отраднее, что Дебабов естественным образом бесстрашен, сливая свой неповторимый голос с лёгшими ему на душу строками и Пастернака, и Блока, и Есенина, и Пушкина, и Тютчева, и даже первого генералиссимуса России Александра Суворова, при необходимости цитируя их в своих произведениях:

Не то, что мните вы, ...народы,
не общность быта и труда.
Народы — маточные воды,
зачаты гениев среда...

По мере того, как становятся злее
за грань перешедшие,
слуги привычки, привыкшие
к службе как к роду отмычки,
мы будем нормальной,
добрее,
трезвее:
Поднимем бокалы,
Содвинем их разом.
Да здравствуют музы!
Да здравствует разум!

Твердыню не сдадим и не сдадимся
Мы — русские. Какой восторг!

Этот вечный восторг враз уничтожает все уныния времени — без восторга бытия истинного поэта нет!

И что сказал, то сказал.